

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.1/.5):323.173(=1-81)''19''

М.В. Белозёрова

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СЕПАРАТИЗМА У КОРЕННЫХ НАРОДОВ
ЮЖНОЙ СИБИРИ: XX СТОЛЕТИЕ

Проведен анализ причин возникновения и развития сепаратизма в среде автохтонных народов Южной Сибири в XX столетии. Основные исторические факторы этого процесса выявлены на основе анализа фондов федеральных и региональных архивов.

Одной из важнейших проблем, связанных с интеграцией «этнических меньшинств» в структуру модернизируемого общества, является возникновение и рост сепаратизма. Понятие «сепаратизм» имеет два значения: 1) социально-политические и идеологические устремления к отделению одной части государства от другой; 2) стремление к обособлению, движение за предоставление части страны автономии. Возникновение и развитие сепаратизма у «национальных меньшинств» в значительной степени определено ростом межэтнического самосознания, стремлением сохранить целостность этноса, его культурной специфики – родного языка, культуры, религиозных верований, традиций. Данные тенденции органически усиливаются в ходе интеграции этносов в социально-экономическую структуру общества, особенно в условиях его модернизации, инициирующего слом архаичных форм экономики, управления, унификацию правового статуса. В этих условиях в национальной среде формируются группы, которые, с одной стороны, могут обосновать необходимость сохранения этнической специфики, и, с другой – стать консолидирующей силой в разворачивающемся национальном движении.

Рассматривая проблемы, связанные с межнациональными отношениями в целом, следует отметить, что в России наиболее ярко сепаратистские тенденции проявились в период Новейшего времени. Данный тезис в достаточной степени подтверждается на двух срезах истории: XX столетие – 1920–1930-е гг. и конец 1980-х – начало 1990-х гг.

Распад Российской империи и образование СССР в первой четверти XX в., курс на ликвидацию «фактического неравенства наций», а также сопутствовавшие этим глобальным событиям Гражданская война, массовые миграции населения обострили межэтнические антагонизмы и породили новые. Наиболее ярко это проявилось на окраинах страны (в контактных зонах расселения нескольких этносов), в том числе и на территории Южной Сибири. Рассмотрим процессы, проходившие на территории Горного Алтая, Хакасии и в местах компактного расселения шорцев и телеутов Кузнецкого уезда. В 1920-е гг. в Южной Сибири в среде автохтонных этносов можно отметить ряд ситуаций межэтнической напряженности, проявившихся в усилении сепаратистских тенденций и выразившихся в стремлении национальных меньшинств к *автономизации*. Это не противоречило курсу национальной политики Советского государства и административно-территориальному устройству. Как известно, райони-

рование в этот период проводилось не только на основе территориальных и экономических условий, но и с учетом национальной составляющей. Образование автономных административно-территориальных единиц, например Ойротской автономной области, Хакасского инородческого уезда, стало реализацией устремлений национальной интеллигенции и части населения, основанных на идеях сибирских областников о возможности автономии Сибири, и в частности самоопределения коренных народов [1. С. 451; 2; 3. Л. 6; 4. С. 7]. После Октябрьской революции эти идеи были поддержаны большевиками [5. Л. 1; 6. С. 118; 7. С. 72].

В Горном Алтае националистические идеи высказывались в среде алтайцев еще в начале XX в. и имели религиозную окраску – бурханизм, основой которого, по мнению большевистских лидеров, являлась «ненависть» к русским и «пророчество» о скором приходе «хана Ойрота» для избавления своих подданных от «ига» русских [1. С. 443; 3. Л. 6; 6. С. 50; 8. С. 136, 169]. В области национальной политики был провозглашен лозунг: «Алтай для алтайцев!», национальная вражда разжигалась, что привело к национальной «резне» [3. Л. 6–7]. Первые попытки самоопределения алтайцев стали активно проявляться уже после Февраля 1917 г. и продолжались в последующее время. Это формирование Алтайской Горной Думы (1917 г.), выделение Горного Алтая из состава Бийского уезда в самостоятельную административно-территориальную единицу (февраль 1918 г.). Сепаратистскую ориентированность подтверждают и решения Учредительного съезда (март 1918 г.), на котором проходило законодательное оформление автономии и будущего Каракорума. Делегаты съезда высказались за создание самостоятельной республики, территориальную основу которой должны были составлять земли, «входившие некогда в государство Ойрот». Это так называемый «русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгария», т.е., в сущности, это было стремление собрать «...разрозненные племена монгольских и ойротских народов» [1. С. 451, 461; 6. С. 70; 9]. В этот период закладывались основы для дальнейшего развития национальной автономии.

Вновь к данному вопросу советские власти вернулись в конце Гражданской войны. 1 июля 1922 г. вышло Постановление ВЦИК об организации Ойротской автономной области. После получения автономии националистические тенденции в Горном Алтае не исчезли, но они стали принимать бытовой характер. На местах продолжали проявляться вспышки национализма

алтайцев по отношению к русским. Приведем фрагмент одного из писем в обком партии: «...на собрании... стоял вопрос о национальной вражде между русскими и алтайцами. Алтайцы стараются выжить русских с своих урочищ. Кроме этого выявляются (выявляются; орфография сохранена. – М.Б.) бандитские влияния... Алтайцы знают... что в Китае есть война, бьют красных, угрожают некоторым... что скоро и вас здесь (здесь. – М.Б.) побьют...» [10. Л. 36]. О националистических тенденциях в политическом процессе при создании Ойротской автономной области в первые годы ее существования свидетельствуют и противоречия в руководстве области [11].

Также как и в Горном Алтае, значительным стимулом к самоопределению хакасского народа стала Революция 1917 г. В течение 1917 г. данный вопрос ставился на ряде инородческих съездов. Аргументы были практически идентичны с теми, которые высказывались алтайцами. Это желание «создать в Сибири Национальную губернию из четырех самостоятельных инородческих Земств в составе России» [7. С. 72]. В дальнейшем вопрос о самоопределении хакасов был поставлен сразу после Октябрьской революции. В марте 1918 г. состоялся Аскизский инородческий съезд (волостное село Аскиз), на котором было объявлено о создании самоуправления в форме Хакасской Степной Думы [7. С. 73–74]. В сущности, это было объявление автономии хакасского народа на территории, охватывавшей Сейскую, Усть-Есинскую, Аскизскую, Усть-Абаканскую, Усть-Фыркальскую и Кызыльскую волости. Следующим шагом стало принятое в июне 1922 г. Третьей беспартийной конференцией хакасов, а затем Енисейским губисполкомом решения о выделении «инородческого края» в особый район с присвоением ему названия «Хакасский». В качестве аргументов приводились «особый хозяйственный уклад, значительный количественный состав, особый культурный уровень населения и единство в территориальном, физико-географическом и экономическом отношении» [12. С. 74–75]. Постановление о выделении инородческого района Минусинского уезда с центром в с. Усть-Абаканское на правах отдельного Хакасского уезда было принято Президиумом ВЦИК 14 ноября 1923 г.

В октябре 1930 г. уезд был преобразован в Хакасскую автономную область. В основу формирования инородческого уезда был положен «национальный признак». В результате границы вновь образованной административно-территориальной единицы не везде совпадали как с естественными границами Хакасии, так и с границами экономических районов. Это повлекло «вклинивание» в отдельных случаях земель одного уезда в другой и экстерриториальность отдельных селений с хакасским населением, «вкрапленных» в территорию других уездов. Данное обстоятельство впоследствии, в середине 1920-х гг., вызвало череду разбирательств, связанных с претензиями хакасского руководства на пересмотр установленных границ и *желанием присоединить* к Хакасии часть «русских» территорий, со следующим обоснованием: «чересполосица» вызывает «земельные неурядицы» между хакасским и русским населением [13. Л. 20 об.]. Частично эти претензии были удовлетворены. В результате Ха-

касский уезд был «оформлен», с одной стороны, с учетом национального состава населения. С другой – была сделана попытка учесть и экономический фактор, включить в состав уезда промышленные районы.

Кроме отмеченных выше факторов – стремления к самоопределению коренного населения и автономизации, следует учитывать и активные миграционные процессы вследствие голода в европейской части страны и Гражданской войны, которые вплоть до середины 1920-х гг. носили стихийный характер. Переселенцы селились сопредельно с алтайцами, хакасами, шорцами. В результате складывалась ситуация, при которой происходило столкновение интересов коренного и пришлого населения, носившее, прежде всего, территориальный и экономический характер. Последний фактор стал одним из решающих в требовании автономии шорцами. Результатом стало образование Горно-Шорского национального района [14. С. 60–65]. Между хакасами и русскими также были достаточно серьезные разногласия, в результате которых коренные жители высказывали настойчивое желание «отделиться» от русских. Итогом этих трений стало выделение Чарковского «инородческого» и Боградского «русского» районов в пределах Хакасского округа [13. Л. 38, 40; 15. Л. 20].

Помимо реализации права на самоопределение в сфере государственного строительства в этот период прослеживалось стремление к достижению определенной автономии в решении экономических проблем. Четко это прослеживалось при внедрении кооперации в Хакасии и Горном Алтае [16. Л. 30; 17. С. 51] и в попытках экономического «укрепления» вновь образованных автономий за счет сопредельных районов с имеющейся промышленно-транспортной инфраструктурой (Хакасский уезд, Ойротская автономная область) [13. Л. 19 об., 20; 18. 15 об.].

Таким образом, «решение» национального вопроса, в том числе и удовлетворение сепаратистских устремлений коренных народов Южной Сибири в 1920–1930-е гг., в СССР осуществлялось посредством обеспечения автономных прав в сфере государственного строительства, определенной доли самостоятельности в сфере экономики, частичной реализации курса на строительство «национального» школьного образования и коренизации управления, но при доминирующей роли основного принципа интернационализма.

Но уже с конца 1930-х гг. в условиях укрепления централизованной власти, установления контроля во всех сферах социально-экономического развития, формирования тоталитарного государства в СССР произошел отказ от ряда позиций, в частности от коренизации и некоторых форм сформированных автономий – от национальных районов. Следует также отметить, что в условиях строящегося социалистического общества национальная политика во многом осуществлялась и жесткими карательными методами. Основным ее принципом в этот и последующий период стала реализация идеи слияния или интеграции наций и народностей в единую нацию «советский народ». Объективно это затушевывало и нивелировало противоречия между народами. В конечном счете удалось избавиться от открытых этнических конфликтов, которые могли быть

уголовно наказуемы, но напряженность в межэтнических отношениях сохранилась и приняла латентную форму. В этот период не был преодолен и сепаратизм части автохтонного населения Южной Сибири. Он также принял *латентную форму*. Об этом могут свидетельствовать эпизоды, связанные с националистическими высказываниями, например шорской интеллигенции в 1960–1970-е гг., зафиксированные в аналитических справках начальника Таштагольского городского управления КГБ [19. С. 234]. Подтверждением вышеуказанного тезиса могут служить и настроения, зревшие в среде студенчества и представителей интеллигенции из среды автохтонных этносов и проявившиеся в открытой форме в 1980-е – начале 1990-х гг. в условиях начавшейся демократизации и реформирования социально-экономических отношений, ослабления центральной власти.

С середины 1980-х гг., во время перестройки, в результате снижения идеологического и политического диктата, ослабления «пресса» карательных органов, нерешенности многих социальных проблем межэтнические антагонизмы активизировались в целом и сепаратистские тенденции в частности. В этот период открыто проявилось сформированное ранее национальное самосознание, со стороны национальных лидеров было озвучено право народов решать самим свою судьбу, создавать государственность, определять меру своей независимости, в том числе и на территории Южной Сибири. Это соответствовало ленинским трактовкам права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств и было декларировано в Конституции СССР и в программных документах КПСС. Самоопределение народов, как право решать свою судьбу, имело в достаточной степени широкую общественную поддержку. Однако действенных механизмов реализации данного права государством предложено не было. К этому времени проявились и негативные стороны в социально-экономическом, политическом, культурном развитии автохтонных этносов Южной Сибири, их недовольство усилившимися депопуляционными процессами, процессами ассимиляции и деградации, осознание экологического «ущерба» их «этнической территории», который нанесло государство в ходе эксплуатации природных ресурсов. Последняя проблема была и остается актуальной для этносов, проживающих в промышленных регионах (например, шорцев и телеутов). Активизация процессов урбанизации, интеллектуализации, модернизации, распространение СМИ сделали возможным использование международного опыта решения национальных проблем в целом, в том числе и в стремлении получить как можно больше независимости.

Консолидирующей силой и основным выразителем сепаратистских идей в этот период стала национальная интеллигенция, слой, сформированный в результате целенаправленной политики КПСС на коренизацию управления. Рассматривая данную проблему на примере коренных народов, проживающих на территории Южной Сибири (Хакасия, Кемеровская область, Горный Алтай), следует отметить, что главная роль в этом процессе принадлежала *городской* интеллигенции. Впоследствии она привлекла представителей сельской

интеллигенции и часть населения. Одним из первых шагов стало организационное объединение – формирование национальных ассоциаций и других общественно-национальных организаций. Интеллигенты во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в открытой форме представляли интересы коренных народов, выработывали программы и явились своеобразными посредниками между региональными органами власти и этносами. Одними из главных требований были реализация права на самоопределение и дальнейшая автономизация. Степень активности и результаты их деятельности были различны. Так, к середине 1980-х гг. в Алтае-Саянском регионе существовали национально-территориальные автономии – Горно-Алтайская и Хакасская автономные области. Поэтому для алтайцев и хакасов речь шла о расширении уже имевшейся автономии – об обретении статуса республик в составе РСФСР. Что касается шорцев и телеутов, то эти два этноса не имели национально-территориальной автономии. Для них проблема заключалась в решении вопроса о предоставлении им национально-территориальной автономии в форме района или округа.

В Хакасии одними из основных программных положений Ассоциации хакасского народа «Тун» были выход Хакасской АО из состава Красноярского края и повышение ее правового статуса. Основными аргументами стали нерешенность проблем в социальной сфере, особенно среди хакасского населения, а также то, что статус автономной области, «сведенный до уровня иллюзии самоуправления», не соответствовал «основополагающим принципам становления правового государства и росту национального самосознания», в результате чего автономия превратилась в обычную административно-территориальную единицу, «растворенную в составе края», что автономная область не являлась субъектом СССР и РСФСР, не имела своей конституции и государственной атрибутики. Из последнего довода делался вывод, что «хакасский народ... не является хозяином на своей земле» [20]. На основании этих аргументов, «выражая интересы хакасского народа» и всех проживающих в автономии представителей других народов, хакасские лидеры предлагали Хакасскую автономную область «немедленно вывести» из состава Красноярского края, изменить статус автономной области на статус автономной республики. Тем более что для подобного шага в стране была уже сформирована нормативно-правовая база.

Рассматривая проблему самоопределения Хакасии, на наш взгляд, недостаточно констатировать факт повышения ее политического статуса – преобразования автономной области в автономную республику. Важно уделить особое внимание принятию такого документа, как «Декларация Республики Хакасия», т.к. на его основании, наряду с другими нормативно-правовыми актами (например, Конституцией Республики Хакасия), регулировались отношения между республиканскими и федеральными органами власти. Декларация должна была быть принята парламентом. Но уже по поводу названия у депутатов не было единства [21. С. 184]. Одна группа депутатов предлагала назвать ее «Декларация о государственном суверенитете Хакасии», другая – «Декларация о государственно-правовом

статусе Хакасии». При этом руководство Хакасии в лице Председателя Верховного Совета В.Н. Штыгашева (хакаса по национальности) высказывалось за первую формулировку. С одной стороны, он говорил о *государственно-правовом статусе* Хакасии как республики в составе РСФСР, что было определено Законом РФ от 3 июля 1991 г.; с другой – постарался обосновать *необходимость суверенитета* для Хакасии, т.к. «...республика имеет статус государства в составе РСФСР, поэтому она должна определить свои права и полномочия, т.е. объявить свой государственный суверенитет; ...все республики РФ, за исключением Хакасии, приняли Декларацию о государственном суверенитете...» [21. С. 185]. Противники этой точки зрения считали, что «Декларация о государственном суверенитете» могла углубить сепаратистские тенденции и ослабить политические связи Хакасии и России; большинство населения Республики выступало против нее. Аргументами этой группы были следующие: 1) Республика Хакасия является субъектом РФ, а не самостоятельным государством; 2) население Республики категорически выступило против [21. С. 185].

Результатом дискуссий по данному вопросу стало принятие решения на I сессии ВС Хакасии в пользу второго варианта – о государственно-правовом статусе Хакасии в составе РФ. С новой силой дискуссии продолжились на II сессии Верховного Совета Республики Хакасия (3–6 марта 1992 г.). В конечном итоге на обсуждение была вынесена «Декларация об основных правах, полномочиях и обязательствах Республики Хакасия в составе Российской Федерации», которая удовлетворила большинство депутатов. Она, как один из первых документов, заложивших основу нормативно-правовой и политической системы Республики Хакасии, была составлена на основе Конституции РФ. В Декларации Республики Хакасия закреплены принципы территориальной целостности и единства Российской Федерации и зафиксировано стремление Республики Хакасия создавать правовую республику в составе Российской Федерации [21. С. 192, 194; 22. Л. 273]. Таким образом, сепаратистские тенденции в Хакасии не возобладали.

В Горном Алтае решение проблемы национально-территориальной автономии заключалось в трансформации одной формы автономии (автономной области) в другую (республику в составе РСФСР). Однако следует отметить, что решение данной проблемы имело и свою специфику в отличие от Хакасии. В Горном Алтае изменение статуса проходило без каких-либо эксцессов. Согласно архивным данным, в середине 1989 г. Президиумом Верховного Совета СССР был поставлен вопрос перед Горно-Алтайским обкомом КПСС о внесении предложений по статусу области. Горно-Алтайский облисполком внес предложения о повышении ее статуса и перевода в статус республики. Основным аргументом в решении вопроса стала возможность «проходить» отдельной строкой в союзном бюджете. Обком партии поддержал данное предложение [23. Л. 39–40]. В начале 1990-х гг. автономная область была преобразована в автономную советскую социалистическую республику (вначале в Горно-Алтайскую АССР – 25 октября 1990 г., затем, 3 июля 1991 г., – в Горно-

Алтайскую ССР, в мае 1992 г. – в Республику Горный Алтай, 12 декабря 1993 г. – в Республику Алтай). Она является субъектом Российской Федерации, ее составной и неотъемлемой частью, что зафиксировано в Конституции Республики Алтай.

Не менее остро, чем в Хакасии, сепаратистские тенденции проявились у шорцев и телеутов, проживающих в Кемеровской области. Основные мотивы их требований автономии (национального района или округа) были идентичны с теми, которые высказывались хакасскими лидерами, только применительно к другому региону. Наиболее активны в данном вопросе были шорцы, которые считали ликвидацию Горно-Шорского национального района в 1939 г. незаконным актом, в чем их поддерживали и некоторые ученые [24. Л. 132; 25]. При этом на первоначальном этапе, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. данные идеи поддерживались и со стороны региональных органов власти. Ситуация, связанная с попытками автономизации шорцев, резко изменилась в 1992 г. Начала разрабатываться Конституция нового государства – Российской Федерации, начал определяться государственный статус субъектов Федерации. Это повлекло за собой изменение позиции администрации Кемеровской области, которая стала выступать против формирования национальных районов на своей территории. Начиная с 1992 г. в вопросе об автономии Горной Шории решения национальных съездов и конференций и высказывания шорских лидеров стали принимать форму требований, доходивших до политического шантажа: давались поручения народным депутатам России от Кемеровской области внести в повестку дня сессии ВС РФ вопрос о восстановлении автономии; «*при невыполнении Верховным Советом РФ*» в установленные сроки данного требования прорабатывались варианты обращения «...*за помощью к международному сообществу, вплоть до ООН...*» [26. С. 153] (курсив наш. – М.Б.). Однако стремление к автономизации не было удовлетворено. Шорцам и телеутам удалось добиться успехов только в решении ряда политических и социально-экономических вопросов – получения особого правового статуса «народов Севера» и затем «коренных малочисленных народов», создания местного национального самоуправления, включения своих требований в федеральные и региональные программы социально-экономического развития.

Таким образом, национальный сепаратизм для различных этносов Южной Сибири, проявившийся в форме устремлений к автономии, и итоги его реализации были неодинаковы. Хакасская и Горно-Алтайская автономные области самоопределились в той форме, в какой это соответствовало их возможностям, – в форме республик в составе Российской Федерации, повысив свой политический статус и потенциал в развитии социально-экономической сферы. Все попытки шорцев и телеутов, проживающих на территории Кемеровской области, создать автономные образования остались не реализованными. Сепаратистские тенденции, проявившиеся в открытой форме в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в среде автохтонных народов Южной Сибири, явились своеобразной реакцией на их интеграцию в структуру социалистического общества, в ряде случаев проходившую

ускоренными темпами и без учета этнической специфики. На примере хакасов, алтайцев, шорцев и телеутов прослеживается определенная цикличность проявления сепаратистских тенденций. С одной стороны, они проявляются в открытой форме в период ослабления централизованной власти и кризиса общественных отношений, являются неотъемлемой частью межэтнических отношений в целом. С другой стороны, они «сопутствуют» интеграции и носят скрытый характер. В настоящее время, в период стабилизации социально-экономической и политической ситуации в стране, сепаратистские тенденции у автохтонных народов Юж-

ной Сибири в очередной раз перешли в латентное состояние. Возможность их дальнейшего проявления в будущем во многом будет определяться эффективностью предлагаемых или поддерживаемых государством моделей интеграции автохтонного населения в рыночную экономику, динамикой численности коренных народов, уровнем их аккультурации и ассимиляции, а также уровнем имущественной дифференциации, правовой регуляции системы взаимоотношений органов регионального управления и местного самоуправления, национальных общественных объединений, руководства частных промышленных предприятий и бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потапов Л.П.* Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – Новосибирск: Новосибиргиз, 1948.
2. *Нам И.В.* Проблема аборигенного населения в законотворческой деятельности сибирских областников / И.В. Нам // *Коренные народы Сибири: проблемы историографии, истории, этнографии, лингвистики: Материалы регион. науч.-практ. конф.* – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2004.
3. *Архив документов новейшей истории Республики Алтай (АДНИ РА).* – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 492.
4. *Асочаков В.А.* К 50-летию образования Хакасского уезда / В.А. Асочаков // *Ученые записки ХакНИИЯЛИ.* – Абакан, 1974. – Вып. 19. – Сер. историческая. – № 5.
5. *Государственный архив Новосибирской области (ГАО).* – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 795.
6. *Гордиенко П.* Ойротия / П. Гордиенко. – Горно-Алтайск, 1994.
7. *Тотышев С.М.* Аскизский инородческий съезд 1918 года // *Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии* / С.М. Тотышев. – Абакан, 1994. – Вып. 1.
8. *Садовой А.Н.* Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – начало XX в.) / А.Н. Садовой. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992.
9. *Кыдыев В.* «Бей в прошлом настоящее...» / В. Кыдыев // *Энчи (Наследие).* – 1990. – С. 9.
10. АДНИ РА. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 251.
11. *Белозёрова М.В.* К истории образования Ойротской автономной области (начало 1920-х гг.) / М.В. Белозёрова // *Вестник Томского государственного университета.* – 2008. – № 308.
12. *Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы* / Под ред. П.Н. Мешалкина. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1963.
13. ГАО. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 1699.
14. *Белозёрова М.В.* Шорцы: жизнь и реформы (20–60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество / М.В. Белозёрова. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004.
15. *Центральный Государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ).* – Ф. Р-16. – Оп. 1. – Д. 3 «А».
16. АДНИ РА. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 177.
17. *Белозёрова М.В.* Развитие кооперации в Хакасии в 1920–1930-е гг. / М.В. Белозёрова // *Вестник Томского государственного университета.* – 2007. – № 303.
18. *Государственный архив Российской Федерации.* – Ф. Р-1318. – Оп. 1. – Д. 1386.
19. *Коновалов А.Б.* История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1944–1991 гг.) / А.Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
20. *Проект резолюции I съезда хакасского народа (1990 г.) «О современных проблемах хакасского народа и о путях их решения»* // Архив лаборатории этносоциальной и этнологической геоинформатики Института угля и углехимии СО РАН Кемеровского государственного университета.
21. *Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации. Этносоциологические очерки* / Отв. ред. М.Н. Губолго, Л. В. Остапенко. – М., 2005.
22. ЦГАРХ. – Ф. Р-782. – Оп. 1. – Д. 2.
23. АДНИ РА. – Ф. 1. – Оп. 72. – Д. 1.
24. *Государственный архив Кемеровской области.* – Ф. П.-75. – Оп. 66. – Д. 27.
25. *Кимеев В.М.* Нужна ли шорцам и нешорцам автономия? / В.М. Кимеев // *Кузбасс.* – 1990. – 16 янв.
26. *Аборигены Кузбасса. Современные этнополитические процессы: Сб. док.* / Сост. В.М. Кимеев, В.В. Ершов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2008 г.